

Николай Михайлович Романецкий

Отягощенные счастьем

Авторский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=129540
Отягощенные счастьем: 2011

Аннотация

Давайте посмотрим, как складывается жизнь в Хармонте после знаменитой фразы Рэда Шухарта о счастье. Мартышке, к примеру, уже пятнадцать. А численность Института сократилась раз в десять. А Дина Барбидж стоит за стойкой в «Боржче». А Рэд.... Да что я вам рассказываю. Сами читайте.

Содержание

1	4
2	10
3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Николай Романецкий

Отягощенные счастьем

1

Мария Шухарт, 15 лет, абитуриентка

Если бы Мария была писклявой сорокой по имени Джини Конвей или, скажем, безмозглой Гретой Шюбель – вот уж у кого башня абсолютно пуста! – после сегодняшнего облома она бы бежала домой вся зареванная и, никого не замечая вокруг, судорожно прижимала бы ко рту мокрый – хоть выжимай! – носовой платок. Однако Мария не была Джини или Гретой. Ведь она родилась от Рэда Бешеного. Это во-первых. А во-вторых и в-главных, Мария была когда-то Мартышкой. Поэтому она не просто замечала окружающих – она шла себе по тротуару с задранной к небу носом, бросая на встречаемых мужчин самые презрительные взгляды. И лишь прикушенная верхняя губа могла бы сказать окружающим, как тошно сейчас дочке Шухарта. Но, чтобы врубиться в это, окружающие должны были знать Марию, как знала ее собственная мать.

Когда улица настолько малолюдна, бросать презрительные взгляды несложно. Даже на мужчин. А Хармонт с годами как бы пустеет – чем дальше, тем круче. Говорят, в Институте теперь пашут едва ли десятая часть от бывшего. Да и мундиры в городе стали встречаться значительно реже. «Изучение Зоны в ее нынешнем состоянии, как и влияние ее на жителей нашего города не требует большого количества изучающих»... Так говорит училка по истории. Короче, с теперешней Зоной в Хармонте скоро не останется ни военных, ни ученых. Ну и работы для местных, ясен перец, – тоже не останется. Конечно, если бы отменили закон об эмиграции, людям стало бы попроще. Но кто ж его тебе отменит!.. Уж от ООН-то такого подарка вовек не дождешься: мир боится хармонтцев, как зачумленных. А трус и днем и ночью закрывается на все запоры. Даже от друзей...

Зато «Боржчу» запоры были незнакомы. Его двери оказались, как всегда, распахнутыми настежь, и Мария не устояла – забыв данные себе клятвы, вновь купилась на это липовое гостеприимство.

«Боржч» в последнее время тоже не мог похвастать наплывом посетителей, но пока держался. Украшенные витражами оконные стекла создавали в зале полумрак, однако освещение не включали – наверное, из экономии. А может, и для пушного интима. За столами кое-где сидели, но со света сидящие выглядели таинственными темными фигурами без лиц – словно живые куклы в снах, – и Мария не стала тут задерживаться, прошла прямо к длинной (память о благодатных прошлых временах) стойке, перед которой ровной шеренгой выстроились круглые пустые табуреты.

Тетка Дина в обычном прикидоне – ослепительно-белой, с кружевами блузке – находилась на своем месте. Торчала за стойкой, лениво протирала стаканы, бросая в зал невеселые взгляды и потряхивая вороной гривой.

– Здравствуй, Мария!

– Здравствуйте, тетя Дина!

– Тебе как всегда?

Не дожидаясь ответа, тетка Дина налила в высокий бокал, украшенный старинным гербом Хармонта, апельсинового сока, ловко наполнила податливыми коричневыми шариками вазочку для мороженого. Мария споро взгромоздилась на табурет, взяла маленькую изящную ложечку.

– Как мама и отец? – Тетка Дина вернулась к своим привычным занятиям – протиранию бокалов, бросанию взглядов и потряхиванию гривой.

А то ты не знаешь, подумала Мария. Он же сегодня дома не ночевал, тебя трахал. Мать опять всю ночь слезами подушку заливала, лишь под утро отрубилась...

– Спасибо, хорошо.

– Работать отцу надо. Сколько он уже не работает?

А то ты не знаешь, подумала Мария. Хотя, возможно, он перед тобой и не раскалывается. Во всяком случае, я бы совсем не удивилась, узнав, что не раскалывается. Даже если ты его трясешь, как сливу. Папка не слива, не растрясешь...

– Его выгнали из Института полгода назад.

Тетка Дина перестала протирать бокалы, наклонилась к Марии, и глазам той явился пейзаж, скрывающийся под теткиной Дининой блузкой.

Надо же, в ее-то годы и без бюстгальтера ходит, подумала Мария. И в общем-то, папку вполне можно понять.

Ей вдруг отчаянно захотелось приколоться. К примеру, взять да и *показать* тетке Дине паучка. Пусть пощекочет лапками между буферов. Чулково получится. А еще круче – таракана ей туда запустить. Вот визгу-то будет!.. Впрочем, нет, не стоит! Ясен перец, в Марию тут же хлынет поток ненависти – тетка Дина как бы не фантик, врубится, в чем дело, – но бороться с собственным дурным настроением таким вот образом это некруто, это совсем уж по-человечески. В конце концов, тетка Дина не виновата, что мужики покупаются на ее буфера. Для того Господь как бы и сделал Адаму хирургическую операцию...

– Ты уже взрослая, – сказала тетка Дина вполголоса. – Много понимаешь... Поговорила бы с матерью. Я его хоть сегодня на работу возьму. Они ведь с моим отцом когда-то большие дела проворачивали. Жаль мне его, пропадает человек... Мужчина он крепкий, и ящики может таскать, и на кухне помочь. Стал бы работать у меня, я бы его на три мили к бутылке не подпустила. К тому же и деньги получал бы. Хоть и мало клиентов стало, но все-таки не в убыток работаем.

Мария отложила ложечку:

– Вы ведь прекрасно знаете, что отец никогда не согласится протирать бокалы и таскать ящики.

Тетка Дина вздохнула:

– Все в жизни меняется, девочка. И люди тоже меняются... В том числе и мужчины. Надо просто не оставлять их в покое, теревить их, напоминать им о долге перед своей семьей. – Тетка Дина сама почувствовала, какой лажей прозвучала ее последняя фраза. Замолкла, тряхнула гривой, вновь взялась за стаканы.

Да, подумала Мария. Уж кому-кому, а тебе бы круто хотелось, чтобы он работал в «Боржче». «Мужчина он крепкий»!.. Насколько бы тебе стало проще! Показала бы ему свой подблужочный пейзажик, затащила в кабинет, раз-два – и полный отпад. И как бы все чинно-благородно. Дома бы ночевал каждую ночь. Мать бы слезы в подушку не пускала...

– Хорошо, – сказала она. – Я передам маме ваше деловое предложение.

– Мария! – раздался за спиной знакомый голос. – Мартышка!

Мария обернулась. Глаза уже привыкли к полумраку, и теперь она рассмотрела, что за одним из столиков сидит Дик Нунан.

– Мария! – Нунан приглашающе помахал вилкой. – Присядь-ка!

– Я пойду! – Мария положила перед теткой Диной монетку, взяла в руки вазочку со стаканом и перебралась за столик к Нунану.

Тот был в своем наилучшем прикиде – маленький, кругленький, розовенький. И, наверное, очень голодный, потому что поедал отбивную с нескрываемым аппетитом.

– Хай, дядя Дик!

– Хай, хай, красавица моя!

Мария покраснела от удовольствия, опустила глаза. Все-таки приятно, когда тебя называют как бы «красавица моя». А не оборотнем...

– Вроде ты вошла сюда сама не своя... – Дядя Дик всегда был круто наблюдательным мужчиной. – Случилось что?

Пришлось срочно отмазываться:

– А-а, ничего особенного... Колесо ногу натерло. Мама новые босоножки сегодня дала, старые как бы все малы стали.

Дядя Дик перестал жевать, понимающе закивал. Глаза его вдруг сделались колючими, внимательными и очень-очень печальными. Какими бывали много лет назад. Нет, от дяди Дика Нунана было не отмазаться. Никогда.

– Брось, зеленоглазая! Сказки про новые босоножки можешь рассказывать Дине Барбридж. Опять, небось, в школе проблемы?

Марии ничего не оставалось, как вновь опустить голову.

– Дядя Дик, ну за что они меня так ненавидят? Разве я виновата?

Дядя Дик как-то совсем не по-нунански закричал.

– Знаешь, девочка, по большому счету они тоже не виноваты. Люди всегда ненавидят тех, кто не похож на них. В лучшем случае – едва терпят. До тех пор, пока ты не покажешь им свою непохожесть... Такова уж природа людей.

Мария подняла на него сухие глаза:

– Но ведь у тебя-то как бы не такая природа!

– А я, может, и не человек вовсе. – Дядя Дик хитро улыбнулся. – Я, может, тоже порождение Зоны... Знаешь, есть там такая штука, «шалтай-болтай» называется? Так вот, я – живой «шалтай-болтай». Как нажмут на меня, я тут же начинаю болтать. Или шалтать. – Он подмигнул Марии и, круто довольный своей шуткой, вновь взялся за отбивную.

Мария улыбнулась. Все-таки с дядей Диком было чулково. Не то что с некоторыми... Особенно чулково с дядей Диком было в детстве, когда он приходил к ним в гости, приносил ей в презентуху то шоколадку, то какую-нибудь хитроумную игрушку, каких не было у соседских детей, подбрасывал Марию к потолку, аккуратно ловил, слушал ее восторженный визг, а потом разговаривал с папкой обо всяких умных вещах, странно поглядывая на маму очень-очень печальными глазами. Сейчас так чулково, как в детстве, с ним уже не было, но настроение у Марии все-таки поднялось. Что ни говори, а дядя Дик как бы всегда знал, чего он хочет от этой жизни. И раньше знал, и сейчас знает. Вон с каким удовольствием он поглощает свою отбивную, покруче, чем Мария – шоколадное мороженое. А кроме того, даже если он и жалел Марию, то, по-видимому, это была такая жалость, от которой совершенно не ехала крыша и не таяли силы.

– Отец чем занимается?

Дяде Дику можно было не врать.

– Пьет, как лошадь.

– М-м-да-а! – Дядя Дик покачал головой. – Мне вот всегда казалось, что в твоего отца заложили крепкий стержень. Пусть он и загнут не в ту сторону, как у всех остальных, но по крайней мере чтобы сломать, попытеть придется. – Он опять покачал головой и сокрушенно вздохнул.

– Мама говорит, его стержнем всегда была Зона, – сказала Мария. – А теперь от этого стержня как бы один пшик остался.

Через три столика сидели два мундира, трескали хотдоги с кетчупом и зеленым горошком, заливали все это привозным баварским пивом, тихо о чем-то базарили. То есть тихо – для всех прочих. Но только не для Марии. Она-то их базар прекрасно слышала. Один отрубил сегодня последний день, завтра все, собирай шмотки, парень, – и назад, в Швецию, в

родной Евле, хватит казенные штаны без дела просиживать... Второй откровенно недоумевал, почему друг так горюет из-за предстоящего отъезда. Я бы, например, шмотки собрал еще десять лет назад, когда направили сюда. Впрочем, скоро и меня ждет твоя дорога, нечего тут больше охранять, зря ооновские зеленые тратить...

– Может, мама и права, – сказал дядя Дик. – Она его куда лучше нас с тобой знает. А в общем-то, думаю, ему бы очень не помешало устроиться на работу.

– Ага, – сказала Мария. – С разгона... Так его и взяли на работу! Разве лишь мисс Барбридж...

Она посмотрела на тетку Дину. Та, привычно выпятив буфера и по-прежнему целеустремленно потряхивая вороной гривой, разговаривала теперь по телефону, ленивым тоном просила подвезти четыре ящика виски, ящичек бурбона, двадцать ящичков пива, ну ладно, хотдоги возьму, везите... Нуан тоже бросил взгляд на буфера тетки Дины. Ему про виски и хотдоги слышно не было, зато, как оттопырили блузку пуговицы Дининых сосков, он также заметил.

– Мисс Барбридж, говоришь? – Он легонько поцокал языком. – На месте твоей матери я бы его к такой работе и на пушечный выстрел не подпустил.

Выражение лица у него сделалось совсем иным, вместо печали и внимания теперь там было что-то очень и очень неприятное, неприятное настолько, что Мария не удержалась и, глянув в сторону уныло пьющих пиво шведов, сказала:

– Говорят, в Институте как бы опять сокращение.

– Сокращение? – Дядя Дик перевел на нее удивленные глаза. – Ах да, ну конечно сокращение. Международное сообщество считает, что держать здесь столько бездельников и дармоедов ни к чему. И где-то я в этом с международным сообществом согласен.

– А твою должность как бы все не сокращают...

– Мою? Ну конечно нет. – До него вдруг дошло. – А-а, вон ты о чем... Брось, зеленоглазая, специалисты по рекламациям без работы не останутся. – Он посмотрел на нее строго-внимательно, скользнул взглядом по грудям и вдруг сказал: – А ты знаешь, Мария... Оказывается, ты стала совсем уже большая!

Да, подумала Мария. Я, оказывается, стала *большая*. Более того, я стала *настолько* большая, что вы все даже представить себе не способны.

Она доклевала ложечкой мороженое, допила сок и, встав из-за стола, зачем-то отрянула джинсы.

– Дядя Дик, я пошла?

– Да! – Дядя Дик учтиво поднялся, склонился, как перед взрослой дамой. – Большой привет отцу и маме! Скажи, что я зайду к вам. На днях зайду. Может, даже сегодня.

Не зайдешь, подумала Мария. Не знаю почему, но мне кажется, что теперь мы тебе не нужны. Теперь тебе от нас как бы одни только расстройств. С рекламациями проще...

Тем не менее дурное настроение окончательно покинуло душу, а вместе с дурным настроением исчезло и ощущение переполнявших ее *сил*. Дома же их станет еще меньше. И прекрасно – значит, в Хармонте сегодня не произойдет ничего сверхъестественного.

Взойдя на крыльцо родного дома, она порылась в сумочке, нашла ключ. Но потом бросила его обратно: в доме были гости.

Однако дверь уже открылась – мать, как всегда, почувствовала появление дочери.

– Заходи!

– Нет, – сказала Мария. Дурное настроение стремительно возвращалось.

Гута поняла все с первого взгляда.

– Опять что-нибудь в школе?

Мария кивнула.

Мать силой затащила ее в прихожую, прижала к груди. И Мария вдруг поняла, что грудь у матери гораздо меньше, чем у тетки Дины. И наверное, гораздо мягче...

– Доченька, надо потерпеть. Ведь выпускной класс. Нельзя тебе сейчас срываться. Недолго ведь осталось!

Наедине с матерью можно было забыть, что ты дочь Рэда Бешеного, и ручейки побежали по щекам сами собой. А вслед за слезами на нее обрушилась головная боль. Среди всех жалостей мамина жалость была самой пронизывающей и едва переносимой. От нее по настоящему ехала крыша. Зато и *силы* таяли, как снег на майском солнышке.

– Гута! – донесся в прихожую рев отца. – Кто притащился?

Головная боль сразу уменьшилась – мамина жалость теперь разделилась надвое.

В гостиной звякали стаканы и бурчали мужские голоса. Языки говорящих со словами справлялись еле-еле.

– Кто там у него? – спросила Мария, заранее зная ответ.

– Гуталин. Чуть ли не с утра заявился. И не выгнать никак. Веточки корявые, сидят и сидят! Вторую бутылку приканчивают.

Гуталин – это было чулково. В присутствии Гуталина папка обычно смягчался. С Гуталином они всегда вспоминали прошлое – как папка таскал хабар из Зоны, а Гуталин его обратно затаскивал. Или как вместе били морду очередной жабе... Папка обзывал их совместные посиделки-воспоминания словесным онанизмом. А жабами обзывал тех, кого ненавидел. Из года в год жаб в городе становилось все больше. Ясен перец, мама жабой не была, мама была просто Гутуй. Иногда – все реже и реже – как бы ласточкой. А она, Мария, так и осталась Мартышкой. «Мартышка ты моя!.. Мартышечка ты этакая!..» Интересно, а как он называет ночью тетку Дину?

Мария вздохнула.

– Ничего, дочка! – Мать ласково погладила ее по макушке. – Все перемелется – мука будет...

– Гута! – опять взревел папка. – Кто там у тебя?

А Гуталин сказал заплетающимся языком:

– Стервятник Барбридж с того света явился... Хватит орать! Надо будет, зайдут, познакомятся. Давай-ка лучше еще по два пальца. За нынешнюю Зону...

– Нет, Гуталин, за нынешнюю Зону я пить не буду. Нынешняя Зона у меня вот где...

Мария сделала усилие, чтобы перестать их слышать.

– Иди-ка умойся! – Мать принялась командовать – И за стол!

Мария пошла умываться, потому что зайти в гостиную с зареванным лицом значило вызвать у папки очередной взрыв бешенства. Он уже не раз ходил разбираться с дочкиными учителями и одноклассниками. А потом матери приходилось переводить Марию в другую школу.

Выйдя из ванной, она в гостиную все-таки заглянула.

– Ой, вот и школьница моя! – обрадовался папка. Тут же посадил ее к себе на колени, прижал к груди. – Здравствуй, Мартышечка моя!

Конопатое лицо его расцвело в улыбке.

Сидеть на коленях у папки было чулково. Как в детстве. От папкиных ласк не ехала крыша. Вот только в последнее время как бы изрядно стал донимать запах алкоголя. Впрочем, ради папкиного хорошего настроения стоило потерпеть. И терпя, она потерлась носом об его небритую щеку.

– У-у, колючки!

Интересно, а тетку Дину он тоже сажает к себе на колени и она тоже говорит ему: «У-у, колючки!»?

– Здравствуй, Мария! – Гуталин справился с приветствием не без труда. – Ты все хорошеешь, девочка!.. Пожалуй, и я на днях в Зону схожу. Попрошу, чтобы она сделала из меня настоящего африканца. А то – ни то ни се. Мулат он и есть мулат!

– Сходи, сходи, – сказал папка. – Хорошим станешь африканцем. Настоящим... Черным и мертвым.

– Смейся, смейся, – сказал Гуталин. – Расист! Давай еще...

Папка нацедил в стаканы на два пальца, поднял Марию со своих колен, нежно шлепнул по заднице:

– Ну, иди поешь. Проголодалась, наверное.

Мария хотела было сказать, что заходила к Дине Барбридж. Но не стала. Папка не любил, когда о тетке Дине упоминал кто-либо еще, кроме него. А сам он тетку Дину как бы всегда ругал. Наверное, подозревал, что ее подблужочным пейзажем любят и другие мужики, но поделаться с этим ничего не мог.

– А что касается дороги к Кувыркающейся горе, Гуталин, я думаю, что идти надо вовсе не через кладбище. К Кувыркающейся горе идти надо...

Мария отключилась от их разговора и вышла. Мать уже хлопотала в столовой, усадила дочку в мужнино кресло, поставила на стол хлебницу и тарелки, принесла кастрюлю. Запахло луковым супом. Потом мать села напротив, смотрела, как дочка ест. И Марии вдруг подумалось, что матери очень не хватает второго ребенка. Нормального. Или двоих нормальных. Или троих... Впрочем, тут она матери ничем помочь не могла – так далеко ее возможности не распространялись.

– Перестань смотреть мне в рот! Пожалуйста...

– Ой, прости! – Мать смутилась.

– Дед давно пришел?

Гута вздрогнула всем телом, отвела глаза. Мария поморщилась: сколько уж лет прошло, а мать никак не может привыкнуть к дочкиным способностям. И не привыкнет, скорее всего. Потому что не хочет привыкать. Потому что изо всех сил своих дамских делает вид, будто у нее круто нормальная семья. Куда как нормальная!.. Муж – бывший сталкер. Свекор – бывший труп. И дочь – выродок. Только не бывший – вот в чем весь облом...

2

Гута Шухарт, 25 лет, замужем, домохозяйка

Гута не находила себе места.

Все дела были давным-давно переделаны. Любимое Рэдом домашнее платье, яркое, с большим вырезом, повешено на дверцу шкафа. Белье выстирано, высушено и выглажено. Ужин приготовлен и частично съеден. Посуда перемыта, а в доме все блестит, словно в хирургическом кабинете Мясника.

Из гостиной доносились привычные недовольные голоса. Там – как всегда шумно – выясняли свои отношения разводящиеся Дотти и Дон Миллеры. Они разводились уже третью неделю, и Гута с интересом наблюдала за этим захватывающим процессом, третью неделю гадая, останется ли миссис Миллер с мужем или все-таки уйдет к лысому владельцу парикмахерской.

Но сегодня – хотя Дон уже поклялся жене, что навсегда бросил Анжелику Краузе, – судьба Дотти Гуту не захватывала. Переживания Анжелики ее сегодня тоже не трогали. Поэтому она зашла в гостиную, выключила телевизор и поднялась по ближней лестнице наверх.

Молчавшая весь день Мартышка, так и не дождавшись отцовской рыбы, посапывала, подложив скрюченную мохнатую лапку под заросшую грубой шерстью головку. На бурой звериной мордочке застыла горькая гримаска: Мартышке снились плохие сны. Хорошие сны снились ей только в те ночи, когда отец был с семьей. Мартышка, правда, никогда не рассказывала Гуте о своих снах, но – если отец ночевал дома – дочкина мордочка переставала быть звериной: животные не улыбаются. А в последнее время дочь постоянно напоминала Гуте зверька. Говорила она все реже и реже, и развлечения ее совершенно перестали быть похожими на игры. Да и развлечениями ли они были?..

Гута вздохнула, подняла с пола раскрытую книжку – дочь часто засыпала с какой-нибудь книжкой, – поправила свесившееся с кровати одеяло и выключила ночник. Мартышка по-детски зачмокала, но не проснулась. А может быть, проснулась и зачмокала. Кто ее теперь разберет!..

Выйдя из детской, Гута заглянула в комнату к папане, включила свет. Папаня неподвижно сидел перед окном. То ли смотрел на мерцающие за стеклом звезды, то ли разговаривал с потусторонним миром. Гутино внимание ему не требовалось. Как и всегда – после смерти. В живые-то времена он и по заднице мог шлепнуть. Или за грудь ущипнуть. А потом посмеивался над свирепеющим от ревности Рэдом... Боже, как же давно это было! Словно и не с нею вовсе... Теперь в невесткиных заботах папаня не нуждался, но она все-таки застелила ему постель. Как вчера, позавчера и неделю назад. А завтра утром уберет несмятые простыни в шкаф. Как вчера, позавчера и неделю назад...

Папаня и глазом не моргнул. Как вчера. Позавчера. И неделю назад.

Гута выключила свет и вышла в коридор. Можно было укладываться в кровать, но она знала, что не уснет.

Рэдрик отсутствовал уже вторые сутки. Такое бывало с ним крайне редко и всегда означало, что «на рыбалке возникли некоторые осложнения». Понимай – нарвался на жаб.

И потому Гута не представляла себе, чего ей теперь ждать – то ли веселого шума подъехавшей машины и радостного стука гаражной двери, то ли жуткого телефонного звонка.

Не успела она спуститься на первый этаж, как звонок и в самом деле зазвонил. Но не телефонный – у входной двери.

Перед дверью мог быть кто угодно. Например, капитан Квотерблад со своими ооновцами и спешно оформленным ордером на обыск. Поэтому Гута посмотрела сквозь дверное стекло, не зажигая на крыльце света.

Молодой месяц освещал торчавшую на крыльце фигуру очень слабо, но и без него было понятно, что там не капитан Квотерблад. Капитан Квотерблад не был толстым. Кроме того, капитан Квотерблад носил фуражку. Или – на худой конец – шляпу-пирожок. А такое воронье пугало на голову напяливал лишь один-единственный человек в Хармонте.

По-прежнему не зажигая света, Гута облегченно вздохнула и распахнула дверь.

– Добрый вечер, Гута! – сказала старая Эллин. – Сумерничаешь?

– Здравствуйте, Эллин! Заходите.

Аделина Норман была удивительной женщиной, не чета тем, кто трепал Гуте нервы в старом доме. Конечно, понять прежних соседок было можно. Наверное, Гута и сама бы вела себя на их месте подобным же образом. Наверное...

Аделина явилась знакомиться в тот самый день, когда Шухарты переехали в собственный дом. Рэдрик встретил ее в штюки. Гостья прикинулась дурочкой. Тогда он попытался отшить ее – да так, чтобы и дорогу к ним забыла. Своего он добился: старая Эллин ушла. Но на другой день явилась снова. На третий – тоже. И на четвертый... Гута и сама не уловила, как это случилось, но незаметно соседка стала для нее если не матерью, то сродни старшей сестре. А потом, сообразив наконец, что Эллин относится к Мартышке совсем не так, как соседи по старому дому, оттаял и Рэдрик. Гута этому не удивилась: ведь в душе он был человеком добрым. Окажись муж по-настоящему злым, тем, кем он пытался предстать перед окружающими, Гута бы в него не влюбилась. Она терпеть не могла злых людей. Впрочем, они платили ей той же монетой...

Сначала Гута подумала, что новой соседкой движет любопытство, но потом обнаружила, что старая Эллин попросту жалеет Марию. А через некоторое время окончательно поняла: для новой соседки всяк, кто явился на свет, есть богоугодное создание. Уж такой она, Аделина Норман, уродилась. И потому, когда соседка заявлялась в гости, Гута встречала ее не без радости.

Старая Эллин быстро догадалась, чем промышляет свежеиспеченный сосед. И не раз пыталась втолковать ему, что делом он занимается опасным и Господом неодобряемым. Рэд всячески отшучивался, но, когда соседка уходила, ворчал: «Тоже мне второй Гуталин нашелся! Будто я сам не знаю, чем рискую...» Гута в их разговоры не лезла. Все, что у нее наболело, она Рэду давно уже высказала. А потом пожалела о своей несдержанности: разве он виноват, что так паскуден этот мир...

Как бы то ни было, в «рыболовные вечера» старая Эллин скрашивала невыносимое Гутино одиночество. Ведь с нею не требовалось все время соблюдать дистанцию, как с Диком Нуаном. И дело вовсе не в том, что Дик многое за авансы мог бы принять, а Рэд, как напьется, бывает ревнивым и по-настоящему злым. Нет, не в этом дело... Хотя чего, спрашивается, злиться? Да еще не родился в Хармонте мужчина, который отважится залезть в постель к жене Рэда Бешеного!..

– Твой в бегах? – спросила Эллин, снимая свою жуткую шляпу.

– В бегах. – Гута отобрала у соседки воронье пугало, пристроила на вешалку. – Пойдемте пить чай.

Они прошли на кухню, и, пока Аделина Норман размещала за столом упакованное в цветастые тряпки дородное тело, Гута поставила на плиту чайник.

– А где он? – спросила, наконец разместившись, Эллин. – Опять там?

Это был дежурный вопрос, и Гута всегда отвечала на него одинаково: «Болтается где-то». Но сегодня добавила:

– Может, в «Боржче» сидит, а может, еще куда затесался. Мужчина он и есть мужчина. Его к юбке не привяжешь. Тем более такого, как мой Рэд.

– Да, не привяжешь. – Соседка разгладила на скатерти несуществующие складки, покивала. – И не привязывай. Я вот своего Стефана пыталась привязать. Был ведь у меня сынок, Стефи... – Она, поперхнувшись, замолкла.

Молчала и Гута, доставала из буфета чайные чашки. Как будто и не слышала ничего.

– Муж-то мой бросил нас, – сказала наконец старая Эллин. – В Европу сбежал, еще до Посещения это случилось. А я глупая была. Может, не привязывала бы к себе Стефи, и не взялся бы он за сталкерство... Нет, дура я была, самая настоящая дура. Скандалы ему всякий раз закатывала, когда он в Зону уходил. Не понимала, что он таким образом самостоятельность свою проявить пытался. А в последний раз и вовсе ему родительское напутствие дала... – Она протяжно вздохнула. И вдруг всхлипнула.

Вновь воцарилось молчание. Надо было бы нарушить его, спросить что-нибудь, хоть чепуху какую, но у Гуты словно язык к небу прирос. Шум закипающего чайника показался ей настолько оглушительным, что она с трудом подавила в себе желание немедленно снять его с плиты.

Потом соседка сказала:

– Когда он уходил, я и говорю: «Хоть бы ты вообще там поселился, в этой своей Зоне! Нервы бы перестал мне выматывать...» А он и отвечает: «Хорошо, поселюсь, раз твоим нервам будет лучше». И ушел... Кличка у него была «Очкарик». Потому что он даже в Зону в очках ходил. Больше я его не видела. Рассказывали, в тот раз он с Битюгом пошел, с Барбриджем. Вроде как к Золотому шару направились... Я потом к Барбриджу-то бегала, но он меня и на порог не пустил. Сказал, не знает ничего, а Очкарика уже неделю не видел. – Она опять вздохнула, покрутила в корявых пальцах чайную чашку. – А через месяц мне сказали, что Стефи погиб... – Она вновь замолчала.

Чайник на плите кипел. Гута встала из-за стола, заварила чай, наполнила чашки, достала из буфета коробку с печеньем.

Снаружи донесся шум приближающейся машины. Звук был незнаком, но Гута замерла, прислушалась.

Машина прокатила мимо.

– Я тогда и в самом деле захотела, чтобы Стефи там остался, – сказала Эллин. – Всего лишь на один миг, но очень захотела. Так была на него зла... Вот Зона и выполнила мое желание. Безо всякого Золотого шара... – Гостья взяла в руку чашку с чаем, сделала маленький глоток и вдруг воскликнула: – Грехи родителей произрастают в детях! Никогда себе не прощу! Никогда!!!

– Веточки корявые, да нет же! – сказала Гута. – Вы ошибаетесь, Эллин. Сама по себе Зона не выполняет ничьих желаний. Иначе бы Мартышка давно бы уже стала... – Она не выдержала и вдруг разрыдалась, уткнувшись в ладони пылающим лицом.

Все, что рвалось изнутри, вся эта боль и накопившаяся обида на Зону, на Рэда, на судьбу, хлынуло наружу, и Гута уже не понимала, какие слова срываются с ее дрожащих губ.

Пришла она в себя от того, что почувствовала: ее гладят по волосам. Ей показалось, мамину макушку ласкает Мартышкина лапка, но нет – это была всего лишь рука старой Эллин.

Тысячу лет они сидели, обняв друг друга, и тоска постепенно уходила из Гутиного сердца.

Потом продолжали пить чай. Гута по-прежнему прислушивалась к звукам на улице. А потом Эллин сказала:

– Радуйся, что твоя дочь не похожа на человека. Говорят, позавчера на Третьей улице убили сына Счастливого Картера. Он был мальчишкой, самым обычным мальчишкой.

Соседские ребята не боялись с ним играть. А потом в течение двух дней пятеро детей оказались в больнице. С переломами. Кто с качелей упал, кто на лестнице оступился, кто-то и вообще на ровном месте поскользнулся. И мальчишку повесили, прямо во дворе, на качелях...

– А полиция? – с ужасом прошептала Гута.

– Полиция? – Старая Эллин пожала плечами. – Полиция, разумеется, убийц не нашла. Никто из соседей ничего не видел. – Она разломала печенье. – У полицейских тоже есть дети. Некоторые из них болеют. Поэтому полицейских вполне можно понять... Говорят, на Третьей улице существовал тайный Комитет по защите детей от влияния Зоны.

А ведь она вовсе не испытывает к Мартышке жалости, сообразила вдруг Гута. Зачем же она ходит в наш дом? Может, она тоже член какого-нибудь тайного Комитета?.. По защите детей от Мартышки?..

Сердце Гуты тревожно сжалось.

Какое счастье, что в нашем старом доме ни с кем из соседей не случилось ничего необычного, подумала она. Какое счастье, что мы так вовремя отсюда уехали! Потому что я бы не удивилась, если бы необычное случилось... Как она сказала? Грехи родительские произрастают в детях... Вот только знать бы заранее, грешим мы или нет? Но больше я никогда не пожелаю, чтобы Мартышка стала обыкновенной девочкой.

Старая Эллин, задумавшись, приканчивала вторую чашку. На улице вновь зашумела машина. И вновь, вопреки Гутиному страху и Гутиной надежде, проехала мимо. Телефон и дверной звонок хранили бездушное молчание.

– Я ведь зачем к вам заглядываю... – сказала вдруг соседка. – Старик-то ваш неживой бродит туда-сюда. Может, когда и Стефана моего с собой приведет. Лишь разочек бы увидеть. Хотя, говорят, возвращаются только те, кого похоронили по-божески...

Она посмотрела Гуте в глаза – сплошное ожидание на лице. Ни страха, ни надежды в нем не было. Такое лицо никак не могло принадлежать члену тайного Комитета по защите детей от Мартышки, и потому Гута сказала:

– А что, возьмет и приведет! Ведь нам с Рэдом и в голову не приходило, что папаня вернется...

Они выпили еще по чашке. И еще. Машины мимо дома больше не проезжали, и вокруг было тихо. Как в могиле.

А уходя, старая Эллин сказала:

– Душу свою не терзай. И нервы мужу не трепли. Терпи, раз уж за сталкера вышла. И Богу молись. Я-то не молилась, не верила тогда. Уж потом... Может, Бог-то меня и покарал.

Гута молча заперла дверь.

Всю ночь она промаялась в ненавистной тишине. Утром зашла к Мартышке. Дочь тут же проснулась, подняла голову, глянула на мать невидящим взором.

– Доброе утро, Мария! – сказала Гута, привычно не ожидая ответа.

– Я спала не в сказке, – произнесла вдруг Мартышка. Словно проскрипела ступенька на лестнице.

– Так не говорят, – заметила Гута, с трудом сдерживая желание погладить дочь по голове: от этой ласки шерсть у Мартышки вставала дыбом, и Гуту било электрическим током. – Надо говорить: «Сказка мне не снилась».

– Я спала не в сказке, – упрямо проскрипела Мартышка. И отвернулась.

Гута, высоко задрвав подбородок – чтобы сдержать слезы, – на цыпочках вышла из детской.

А через полчаса возле калитки скрипнул тормозами долгожданный Рэдов «лендровер».

3

Мария Шухарт, 15 лет, абитуриентка

Мария отложила ложку и вздохнула.

– Пиццу будешь? – спросила Гута, потому что дочь часто ограничивалась лишь супом да зеленью.

– Буду, – сказала Мария. – Здравствуй, дед!

– Здравствуй, внучка! – отозвался из своей комнаты дед. – Я подзарядился.

Дед всегда уходил, когда ему становилось трудно говорить: Зона не пускала в себя только живых людей и механизмы. Люди на границе Зоны умирали в огне, а их машины взрывались. Мумики же ходили туда-сюда безо всяких проблем.

Впрочем, с дедом было нелегко беседовать и после того, как он приходил с подзарядки, – чаще всего он выдавал всякие прибабасы. К примеру, про их с Марией жизнь (бабка тоже была Марией. Вернее это Мария тоже была Марией). Как будто песни о давно улетевшей жизни могли чем-то помочь внучке. И тем не менее Мария сказала:

– Дед, мне необходим твой совет.

Дед любил, когда она начинала разговор таким образом.

– Слушаю тебя, внучка.

– Дед, как мне жить дальше?

– Ешь пиццу! – Гута, разумеется, их разговор не слышала. – Думать будешь после обеда.

Мария благодарно улыбнулась ей и сказала старому Шухарту:

– Дед, для чего я хожу в школу? Для чего мать учит меня всяким женским премудростям? Ведь на мне никто никогда не женится. Неужели я обречена стать второй Диной Барбридж?

Дед, наверное, не знал, кто такая Дина Барбридж. А может, наоборот, слишком чулково знал. Во всяком случае выдал он очередной прибабас:

– Живи, внучка, как живешь. Люби, когда любится. Ненавидь, когда ненавидится. В нужное время Бог подскажет тебе, как надо поступить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.